

Прежний редактор Иван Федорович Лохматов пошел на повышение — возглавил более солидный орган Ливенского горкома партии.

Новый, Валентин Иванович Тепляков, по образованию учитель, до этого назначения руководил отделом райисполкома. Естественно, в газетном деле разбирался слабо, писал редко, все больше передовицы.

Был добрым, веселым человеком, характера нечиновного, мне как заместителю доверял полностью. И само собой получилось,

что из-за своей постоянной занятости (командировки в хозяйства, различные совещания и заседания) работу по выпуску газеты передоверил мне.

Коллектив районки небольшой, пишущих — три-четыре человека. И хотя вся газета под его названием «Знамя Октября» выходила раз в неделю, крутиться приходилось здорово.

Однажды и про себя забыл — засиделся за вычиткой материалов очередного номера. Вижу в окно, к зданию редакции подъехал запыленный «козлик». Из машины вышли сотрудники «Орловской правды» Иван Миронов и Борис Галкин (они часто у нас в районе были), а с ними незнакомый парень — высокий, статный, с грибово-темно-русых волос, в рубашке с закатанными рукавами.

Встретил их на улице. Улыбчивый Иван Константинович, заметно припадая на раненую ногу, поздоровался:

— Ну нас знаешь, а это... Как бы тебе его представить более весомее?... В общем, известный советский поэт Дмитрий Блынский (на снимке справа), наш земляк.

Подхватив шутивый тон Миронова, я продолжил, крепко пожимая руку гостю:

— Не известный, а настоящий наследник Тютчева и Фета...

— Хватил, — засмущался Дмитрий, и легкая краска выступила на его щеках.

Так летом 1959 года состоялась моя первая встреча с Блынским.

Потом была поездка на пруд в район знаменского полевья, рыбалка, уха и все, что связано с ухой. К нам присоединился редактор, стало заметно веселее. Гости читали стихи: Иван Миронов своих любимых Маяковского и Есенина, Блынский — новые произведения из только что вышедшей в издательстве «Советский писатель» книги «Иду с полей».

Встреча затянулась до полудня. Когда я рассказал, что тоже служил на флоте, на Северном, были обхвачены с Димой, который несколькими годами раньше прошел матросскую службу на Балтике. Вот тут-то я и поведал Блынскому, кто зачислил его в наследники Тютчева и Фета.

...1957 год. Просторный матросский клуб Северноморска. Чтобы не затеряться в огромном зале, мы тесной группой усаживаемся поближе к окнам, через которые пробивается сумеречный свет. Мы — это члены литературного объединения при главной газете Северного флота «На страже Заполярья».

Сегодня — очередное занятие. Как сказал наш руководи-

тель поэт капитан Владимир Матвеев, будем обсуждать подборку стихов матроса Алексея Проценко, очерк старшего матроса Володи Соломатина о героях-североморцах. Своими творческими планами поделился гость газеты известный поэт-маринист Николай Флёров.

Обсуждение творчества кружковцев всегда проходит бурно. Так было и в этот раз. Из 15 начинающих поэтов и прозаиков выступили почти все: кому-то поправилась незначительная строка стиха, кто-то укорил автора в излишнем

очень часто. Это вполне объяснимо: матросская служба трудна, до отказа заполнена авралами, учениями, многодневными морскими походами.

Но зато стихи Рубцова все чаще и чаще появляются во флотской газете, в различных сборниках. Поэтический голос его крепнет, набирает силу.

У меня сохранилось несколько номеров газеты «На страже Заполярья», где опубликованы произведения моих товарищей по литобъединению. Как правило, стихи и рассказы начинающих

знание искреннее, чистое и пронзительное.

А вот номер газеты от 3 августа 1958 года. Под заголовком «Полнее и ярче отображать жизнь и службу североморцев» публикуются итоги конкурса на лучшее литературное произведение, посвященное 25-летию Северного флота. В разделе «Стихи» читаю: «Третью премию (первая вообще не присуждалась) в размере 400 рублей присудить матросу Н. Рубцову за опубликованные в газете стихи «Сердце героя», «Шторм», «В по-

то, что нас на флот ведет и в полк, Вечно будет, что там ни пиш, Первым словом мысли и души!

Я намеренно привел эти ранние стихи 19-летнего матроса. Ведь они, к сожалению, почти неизвестны широкому читателю, настоящим любителям творчества поэта. Даже в более полных собраниях его произведений, выпущенных московскими издательствами к недавнему 70-летию Рубцова, их не найдешь. Либеральные критики считают стихи, навязчиво патристические, выбивающиеся из общей рубцовой тональности, рубцовского почерка.

Никогда не соглашусь с этим.

Кстати, немало стихов патристического направления есть и у Дмитрия Блынского. К сожалению, они тоже не попали в сборники, даже выходявшие в советский период, когда к данной тематике отношение было совсем другим. И лишь последняя книга «Я полон света», подготовленная его сестрой Валентиной Блынской и поэтом Петром Родичевым (издательство «Вешние воды», 1997 г.), более полно представляет творчество нашего земляка.

О том, как деревенский паренек с детства мечтал о морских просторах, как добивался, чтобы его призвали именно на флот, Блынский рассказал в своей ранней поэме «Здравствуй, море!» В ней еще сильно чувствуется влияние поэзии Твардовского.

...Молчит, задумчив и суров, Уставый военком.
Решение ждет Егор Бургов:
«Мне б только моряком!»
Глядит в глаза ему майор,
Как будто говорит:
«Матросом трудно быть, Егор,
И, может, вельшь зря»...
Глядит в глаза ему майор
И руку подает.
— Мечтал о море?
— С давних пор...
— Пойдешь служить во флот!
И под собой не чуя ног
Бургов к друзьям идет.
— Ну как, Егор?
— Ну как, сынок?
А он:
— Иду на флот!..

Наиболее полно отображена трудная и одновременно овеянная романтикой служба в поэме Блынского «Верный друг», над которой он работал в перерывах между вахтами. Она о любви к Родине, о воинском долге, о вечных человеческих качествах: честности, порядочности, ответственности.

... Я на посту! И я в минуты эти
Не только перед кубриком в ответе —
Я, стоя здесь у моря, отвечаю,
Как на переднем крае, как в бою,
Пред матерью, что, колыбель качая,
Поет ребенку «Баюшки-баю»;
Перед влюбленными, кому сейчас,
Хоть ночь идет к концу —
К заре, не спится,
Что, сидя где-нибудь который час,
Никак в любви не могут объясниться;
Перед ученым вдумчивым и строгим,
Что над какой-то формулой кортит;
Перед юнком курносом, боносним,
Что, разбросав ручки, сладко спит;
Перед учителем с седыми прядями,
Склонившимся над детскими тетрадами.

Да, я сегодня перед всем в ответе,
Что есть хорошего на белом свете...
Он читал отрывки поэмы своим
друзьям-сослуживцам, и они, вымотанные штормами, шумно аплодировали «своему» поэту. С этой поэмой Блынский участвовал в конкурсе лучших чтецов Балтийского флота и занял первое место, получив от командования благодарность и почетную грамоту.

Александр МАКУШЕВ.
(Окончание следует.)

ДВА МОРЯКА:

ОДНА СУДЬБА

консерватизме, кто-то, наоборот, لاحظал, что матрос Проценко слишком «умячает» рифмами.

Мы молоды, задиристы, подчас излишне. Но к мнению своего коллеги матроса Коли Рубцова все очень прислушиваются. Этот небольшого роста парень — рубаха, веселый, общительный, умеющий так лихо играть на гармошке, по части творчества, можно сказать, всех нас обошел. Стихи визирища с эскадренного миноносца регулярно появляются в газете «На страже Заполярья», его подборка рекомендована в сборник «На страже Родины любимой», который выпускает политуправление флота. Да и руководитель литобъединения постоянно выделяет Рубцова, считает его очень перспективным.

А пока матрос Рубцов (на снимке слева) в перерыве подходит ко мне, озорно так говорит:

— Орловец, ты в «Комсомольской правде» читал про своего земляка Дмитрия Блынского? Нет? Почитай, почитай! Сам Исаковский о нем доброе слово сказал, талант его отметил... Действительно, прекрасные стихи. Вот как надо писать! Кстати, ты его знаешь, видел его?

Разочаровал Колю. Не знал я тогда Блынского. Хотя читал его стихи, опубликованные в «Орловской правде». Мне друзья присылали газетные вырезки. Стихи очень нравились, что называется, за душу брали.

Не помню, на каком очередном сборе кружковцев я передал Рубцову недавно вышедшую в издательстве «Орловской правды» первую книжку Блынского «Сердцу милый край». Коля внимательно прочел ее и при встрече здорово хвалил, назвав Блынского настоящим наследником Тютчева и Фета.

К слову, на занятиях литобъединения Рубцов появлялся не

литераторов выходили по воскресеньям в «Странице дня отдыха». И еще одна традиция строго соблюдалась: доброе напутствие новичку давал его товарищ-кружковец.

Третья страница номера от 12 октября 1957 года открывается фотографией Рубцова и подборкой его стихов под общим заголовком «В добрый путь, Николай Рубцов!». Небольшая врезка с рассказом о матросе, его творчестве подписана старшим матросом Геннадием Фокиным.

В подборке пять стихотворений. Среди них и это:

Помню ясно, как вечером летним Шел моряк по деревне, и вот Первым раз мы увидели ленту С гордой надписью «Северный флот». Слово бурями с моря пахло, А не запалом к нему потянуло, Кто-то крикнул: «Догоним скорей!» И когда перед ним появились Мы, взметнувшие пыль с большака, Нежным блеском глаза осветились На суровом лице моряка.

Среди шумной вагати ребячьей, Будто с нами знакомый давно, Он про море рассказывать начал, У колодца присев на бревно. Он был весел и прост в разговоре, Руку нам протянул: «Ну пока!» ... Я влюбился в далекое море, Первым раз повстречав моряка!

Первое признание молодого поэта, еще вчерашнего деревенского паренка, в своей влюбленности в морскую стихию, при-

темы, тщательно работает над своими стихами, внимательно прислушивается к замечаниям и советам товарищей по литературному объединению. Результатом этого явился значительный рост поэтического мастерства Н. Рубцова.

В этом же году политуправление Северного флота выпустило сборник «На страже Родины любимой». В нем с десяток стихов Рубцова. Вот два из них.

ШТОРМ
Нарастили волны громовые,
Сразу душно стало в рубке тесной.
В сильный шторм попал матрос
впервые,
Заболел матрос морской болезнью.
Перенять труднее, чем горячку,
Этот вид болезни. И встревоженно
Старшина сказал ему: «На качку
Обращать внимания не положено!»
Про себя ругая шквальный ветер,
Скрыл матрос свое недомогание
И, собравшись с силами, ответил:
«Есть не обращать внимания!»
И, конечно, выполнил задачу,
Хоть болезнь совсем его измучила.
Верно говорят: «Моряк не плачет!»
Не было еще такого случая...

ПЕРВОЕ СЛОВО
Холод, сосны, звезды в ноябре.
Поцели наши на дворе.
Как в тумане яркие огни,
В памяти сияют эти дни...
Вдруп, порывы юности поправ,
Стал моим диктатором Устав, —
Отшумел волос девятый вал,
Штиль на голове, в глазах — аврал.
Все же слово молодости «долг»,

Сегодня — очередное занятие. Как сказал наш руководи-

